

ФАНТЕЗИ ОТКРЫТИЕ

СЭМ САЙКС

СЕМЬ КЛИНКОВ
ВО МРАКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С14

Sam Sykes

SEVEN BLADES IN BLACK

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Copyright © 2019 by Sam Sykes

Иллюстрация на обложке *Александра Шпакова*

Художественное оформление серии *Екатерины Климовой*

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

Сайкс, Сэм.

С14 Семь клинков во мраке: [роман]/Сэм Сайкс; пер. с англ.
К. Гусаковой — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 608 с. —
(Фэнтези: открытие).

ISBN 978-5-17-120121-0

У нее украли магию. Бросили умирать. Сэл Какофония была предана теми, кому больше всех доверяла, и теперь у нее не осталось ничего, кроме имени, истории ее жизни и оружия. Однако воля Сэл сильнее всякой магии, и она точно знает, чего хочет. Шрам – земля, которую раздирают могущественные империи, где скрываются маги-изгои и куда уходят на смерть обесчещенные солдаты, и именно в Шрам держит путь ассасин Сэл. С собой у нее клинок, револьвер и список из семи имен. Возмездие – вот ее награда.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-120121-0

© К. Гусакова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

*Читателям, которые ни за что
не останутся в стороне.*

1

ВЫСОКАЯ БАШНЯ

Кто же не любит старой доброй казни? Ни один житель Шрама, от суверенной Катамы и до самых дальних границ Революции, не нашел бы зрелища лучше, чем разлетающиеся по камням ошметки отступников. И в тот день за стенами Революционной Высокой Башни накал в воздухе чувствовали все.

Толпы людей стягивались поглазеть, как сметают месиво из грязи, еще влажной, которое осталось у столба после вчерашней казни. В стороне расположился расстрельный отряд — шлифовали штыки и делали ставки, кто попадет точно в сердце несчастного придурка, обреченного сегодня на смерть. Неподалеку перекрикивали друг друга торговцы, продававшие всякую всячину, от еды с питьем до памятных вещей о дне, когда все ушли с работы пораньше — увидеть, как очередного врага Революции вздернут у столба.

В последнее время в стенах Высокой Башни делать было особо нечего.

Военный губернатор Третта Суровая пыталась игнорировать толпы под окном тюрьмы, кровожадные вопли, рев детей и смех мужчин. Она сосредоточилась на отражении в зеркале и поправила синюю военную форму. Горожанам можно простить столь малодушную жестокость. Офицерам Революции надлежало быть выше.

Подобающая прическа: черные волосы, остриженные безжалостно коротко и приглаженные к голове. Плотно стянутый мундир, отутюженные брюки, перехваченные ремнем,

сабля у бедра — ни пылинки, ни ворсинки, ни следа ржавчины. И, самое главное, из зеркала смотрело решительное лицо человека, без колебания уложившего в могилу сотню врагов.

Наверное, странно было так наряжаться для казни. Шваль, которую через шесть часов кое-как прикопают, вряд ли это оценит. Однако офицеру Революции надлежало держаться принципов. И Третта получила звание отнюдь не за расхлябанность.

Она поправила на лацкане ордена — и лишь затем покинула свое жилище. Двое караульных отчеканили приветствие, вскинули штык-ружья на плечи и двинулись следом, держась ровно в трех шагах позади. В лучах утреннего солнца, проникавших сквозь окна, они промаршировали вниз по ступенькам к Ставке Командования. При приближении Третты часовые и офицеры вытягивались в струнку и вскидывали руки. Третта, продолжая путь, коротко кивала в ответ, мол, «вольно».

Солдат, дежуривший у дальней двери, поднял взгляд.

— Воен-губернатор, — обратился он, отдавая честь.

— Сержант, — отозвалась Третта. — Как пленница?

— Строптивая, дерзостна. Начала утро с того, что швырнула выданную ей кашу в охранника, изрыгнула несколько непристойностей и резко высказалась как о профессиональном, так и о личном поведении его матери. — Сержант фыркнул, скривив губы. — В общем и целом, обычное поведение скитальца.

Военный губернатор не впечатлилась — могло быть и хуже, — а затем отдала приказ коротким жестом. Караульный без лишних слов отпер замок и толкнул массивную железную дверь. Третта со своим эскортом спустилась во мрак тюрьмы Высокой Башни. Их встретило безмолвие пустых камер.

Высокую Башню, как и другие революционные форпосты, возвели для заточения имперских захватчиков, противников революции, бандитов и даже случайных скитальцев. Но, в отличие от прочих форпостов, она располагалась слишком далеко от сражений, а потому камеры зарастали паутиной за ненадобностью. Пленников, осужденных за

преступления против Революции, отправляли на казнь довольно быстро — ибо без развлечений среди горожан поднимались волнения.

С тех пор, как Третта прибыла в Высокую Башню, она спускалась в казематы лишь дважды, сегодня — второй раз. Первый был, чтобы предложить имперскому шпиону, выдававшему себя за бандита, помилование в обмен на сведения. Тридцать минут спустя она выставила его перед расстрельной командой. И считалось, что он пробыл под стражей дольше всех.

Нынешняя заключенная уже побила его рекорд на два дня.

Допросная располагалась в самом конце коридора, в который выходили камеры, за очередной железной дверью, под охраной двух солдат. Отсалютовав, они толкнули тяжелую створку. Скрипнули петли.

Двадцать на двадцать футов, ничего, кроме стола и пары стульев — допросная отличалась от камеры разве что чуть большим размером и дверью поприличней. Вдобавок там царил духота: узенькое окошко под потолком, куда едва проникал свет, почти не пропускало и воздух.

Но пленницу, кажется, это не угнетало.

У стола сидела женщина лет тридцати, как показалось Третте, не больше. Грязные штаны и ботинки, белая рубаша с обрезанными рукавами и подолом — были видны змеящиеся по предплечьям татуировки и внушительный шрам от ключицы до живота. Безвкусное одеяние, как у любого встречного скитальца. Белые, как у жителя Империиума, волосы неаккуратно срезаны на висках и стянуты на затылке в небрежный хвост. И, невзирая на удушающую жару, пленница казалась спокойной, даже безмятежной, и бледной, как лед.

Все это Третта презирала.

Когда военный губернатор вошла, эта женщина не подняла взгляда, не обратила внимания и на вооруженных мужчин. Ее скованные руки мирно лежали на столе. Даже когда Третта заняла место напротив, заключенная словно ничего не заметила. Глаза ее, голубые и прозрачные, как вода на отмели, смотрели будто мимо. На лице, худощавом

и заостренном, обезображенном длинным шрамом над правым глазом, не отражалось ни следа страха перед неизбежной, чудовищной смертью.

И это раздражало Третту куда больше, чем она была готова признать.

Военный губернатор подалась ближе и сцепила пальцы перед собой, давая заключенной понять, среди какого дерьма та оказалась. После минутной тишины Третта протянула руку в сторону. Спустя мгновение сопровождающий вложил ей в ладонь стопку бумаг. Опустив их на стол, военный губернатор лениво перелистнула несколько страниц.

— Не стану говорить, что ты можешь спастись, — произнесла она наконец. — Офицер Революции никогда не лжет. — Третта подняла взгляд на женщину, которая никак не отреагировала. — Через шесть часов тебя казнят за преступления против Великой Революции Кулака и Пламени. Что бы ты ни сказала, этого не изменить. За свои деяния ты заслужила смерти. — Третта сощурилась. — И ты умрешь.

Женщина все-таки шелохнулась. Кандалы слегка лязгнули, она подняла руку и поскребла шрамы на лице.

Третта презрительно усмехнулась и продолжила:

— Но кое-что изменить ты можешь. То, как быстро все свершится. Революции не чуждо милосердие. — Военный губернатор нашла нужный лист и протянула его пленнице. — В обмен на сведения о событиях недели Масенов, с одиннадцатого по двадцатое, включая резню в поселении Старкова Блажь, уничтожение фригольда Нижеград и исчезновение младшего сержанта Революции Кэврика Гордого — я, от имени Ставки Командования, готова обещать тебе быструю и легкую смерть.

Она отложила документ и наклонилась ближе. Заключенная смотрела куда-то влево.

— Из-за тебя погибло много людей. Из-за тебя без вести пропал наш солдат. Прежде чем минуют эти шесть часов и тебя похоронят, случатся две вещи: я узнаю, что в точности произошло, и ты решишь, хочешь ли умереть от единственной пули или от сотни клинков. — Третта уперлась

ладонями в стол. — От того, что ты сейчас скажешь, зависит, сколько крови сегодня прольется на наших глазах. Подумай хорошенько.

Заключенная наконец взглянула ей в глаза. Без страха, все такая же спокойная, безмятежная.

— Можно мне, — проговорила она, и голос ее был слаб, — промочить горло?

Третта моргнула.

— Промочить горло.

Женщина с легкой улыбкой кивнула на свои скованные руки.

— Жарко.

Третта сощурилась, но все же сделала знак. Солдат выскользнул за дверь, через мгновение принес кувшин со стаканом, наполнил стакан и подтолкнул его пленнице. Та отхлебнула, причмокнула губами... и вдруг уставилась на стакан в руке.

— Что это за херь?

Третта нахмурилась.

— Вода. Что ж еще?

— А я-то надеялась на джин или вроде того.

— Ты просила воду.

— Я просила промочить горло, — парировала пленница. — Столько шороху о том, как вы меня будете убивать, что я уж подумала, дадите напоследок чего поприличнее. Что, даже последнюю просьбу не выполните?

Третта оскорбленно скривилась.

— *Нет.*

Пленница надула губы.

— В Катаме бы выполнили.

— А ты не в Катаме! — рывкнула Третта. — Ты далеко от Империиума, и вся имперская мразь на тысячи миль вокруг лежит по могилам, и ты отправишься туда же.

— Ага, это ты ясно дала понять, — легкомысленно отмахнулась заключенная. — Преступления против Революции, бла-бла-бла. Не то чтобы я обвиняла кого-то во лжи, мэм, но вы уверены, что поймали нужную девчонку? В Шраме полным-полно отродья, которое наверняка оскорбило вас сильнее меня.

— Я уверена, — Третта взялась за бумаги и перелистнула в начало. — Узник номер пятнадцать-пятнадцать-пять, также известная, — она уставилась на заключенную поверх документа, — как Сэл Какофония.

Сэл криво усмехнулась. А потом изобразила изящный поклон — насколько это было возможно, сидя в кандалах.

— Мэм.

— Настоящее имя неизвестно, место рождения неизвестно, где обитает — неизвестно, — продолжила зачитывать Третта. — Род деятельности: охотник за наживой.

— Предпочитаю «охотник за головами». Звучит эффективнее.

— Осужденная — как минимум — за убийства в двенадцати городах, поджоги в трех владениях, незаконное присвоение Реликвий Революции, ересь против Обитатели, мелкое воровство...

— В воровстве нет ничего мелкого. — Сэл протянула руку. — Дайте-ка взглянуть.

— ...богохульство, незаконное использование магии, похищение людей, вымогательство и так далее, и тому подобное. — Третта припечатала бумаги ладонью к столу. — Словом, все, что можно ожидать от типичного скитальца. И сомневаюсь, что по типичному скитальцу хоть кто-то станет лить слезы. Но в отличие от твоих братьев-подонков у тебя есть шанс сделать перед смертью доброе дело.

Третта стиснула зубы.

— Так что, — выплюнула она, — если за твоим именем, сколь бы фальшивым оно ни было, стоит хоть капля чести, ты расскажешь мне, что произошло. В Старковой Блажи, в Нижеграде и с моим солдатом, Кэвриком Гордым.

Сэл сжала губы и окинула военного губернатора ледяным взглядом. А затем напряженно застыла, и Третта повторила ее позу. Женщины не сводили друг с друга глаз, словно каждая ждала, что собеседница вот-вот выхватит клинок и нападет.

Впрочем, Третта чуть так и не поступила — но Сэл все же нарушила молчание.

— Много ли мертвых скитальцев довелось вам увидеть, мэм? — негромко спросила она.

— Много, — коротко ответила Третта.

— Что они говорили, когда умирали?

Третта сощурилась.

— По большей части сквернословили. Проклинали Империиум, проклинали удачу, которая свела их со мной, проклинали меня, ведь я отправляла их обратно в изрыгнувшую их преисподнюю.

— Думаю, никто не знает, с какими словами на губах умрет. — Сэл провела пальцем по шраму над глазом, глядя куда-то сквозь стены. — Но я знаю, что не стану проклинать. — Она цокнула языком. — Я расскажу, что вы хотите, мэм, о Нижеграде, о Кэврике, обо всем. Я выдам все, что вы пожелаете, а вы всадите мне пулю в лоб, или отрубите мне голову, или отдайте меня на растерзание птицам. Я не стану возражать. Попрошу лишь одного.

Третта, напрягшись, потянулась к сабле, а Сэл подалась ближе. И на ее лице отразилась усмешка, столь же острая, как клинок.

— Запомните мои последние слова.

Третта получила звание отнюдь не за то, что потакала пленникам, особенно таким гнусным, как скитальцы. Она достигла всего благодаря поддержке и уважению людей, которые салютовали ей каждое утро. А все потому, что ей не была безразлична их судьба.

И потому, ради них и Революции, которой она служила, Третта кивнула. А женщина-скиталец откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

— Все началось, — тихо произнесла она, — с последним дождем.

2

РИНОВА ЯМА

Если хочешь узнать, из чего сделан человек, нужны три вещи.

Первое — смотри, как он поступит, когда погода испортится.

В Катаме во время дождя неженки-имперцы толпятся под навесами своих кофейных и ждут, когда же маги разгонят тучи. Если в Обители идет снег, народ набивается в церковь и возносит хвалу своему Богу. А когда в Уэйлесс приходит жара, как известно, ее объясняют имперским заговором и клянутся бросить вдвое больше сил на Революцию.

А вот в Шраме? Когда грохочет и льет так, что по улицам ты плывешь и незаметно тонешь? Ну, просто-напросто запахи плащи поплотнее и шагают дальше.

Так я и сделала той самой ночью, когда влипла в эту заварушку.

Ринова Яма — как можно догадаться по названию — такой городок, где люди не слишком переживают из-за дождей. Жизнь в Шраме тяжела, и даже если молния сверкала так, что становилось светло как днем, небольшой конец света за окном никому особенно не мешал. И, когда улицы превращались в месиво, а крыши содрогались под натиском ливня, местные просто прятали лицо в воротник, сдвигали шляпу пониже и шли дальше по своим делам.

Прямо как я. Просто еще один бесформенный, бесполой силуэт под плащом и с палантином на голове. Никто не косился на мои белые волосы, не рассматривал, пытаюсь уга-

дать, что же скрывается под тканью, вообще не обращал на меня внимания. Им той ночью своего дерьма хватало.

Это меня вполне устраивало. Мне тоже было чем заняться. А для моих дел чем меньше любопытных глаз — тем лучше.

Окна каждого второго дома темнели, а вот в таверне — обшарпанной двухэтажной лачуге в центре городка — горел свет. Причем так ярко, что видны были грязь на стеклах, облупившаяся краска фасада и уродливая вывеска на скрипящих петлях: «Последняя надежда Ральпа».

Уместное название.

В этом я еще больше убедилась, когда распахнула дверь.

Стоя там, насквозь мокрая — у ботинок постепенно натекал небольшой океан, — я напоминала себе мертвую кошку, которую выволокли из нужника. И *все равно* выглядела, черт возьми, куда лучше обстановки этой таверны.

Восхитительный слой пыли доблестно пытался скрыть менее восхитительную щербатость столов и стульев общей залы. Подмостки, наверняка выдавшие массу паршивых выступлений, были окутаны полумраком; теперь там стоял одинокий вокафон, играющий мелодию, которая была на слуху разве что при жизни ее автора. В комнатах наверху когда-то явно обретались проститутки, если вообще существовали настолько невезучие, чтобы попасть в подобный город. Я бы назвала эту дыру склепом, если бы не посетители — правда, видок у них был такой, будто они просто нашли гробницу поуютнее.

Несколько подростков — два парня и девчонка — в дальнем углу потягивали пойло, какое они там могли себе позволить, и пялились в стол. Работяги, мелкая шпана, бьюсь об заклад, которая нанималась к местным жителям на грошовую работу за грошовую плату на грошовую выпивку. А за стойкой маячил крупный мужик в грязном шмотье, лениво протирая тряпкой единственный чистый стакан.

Я подошла, мужик отставил стакан. Судя по черным разводам на стекле — тряпкой здесь вытирали не только посуду.

Плевать. Все равно надолго не задержусь.

Ральп — по всей видимости, это был он — даже не стал спрашивать, что мне нужно. В Шраме в лучшем случае пред-